

Историческая обстановка, сложившаяся в Риме в I в. н. э., объясняет нам возросшую потребность в произведениях жанра утешения. Во времена правления императоров процветали обвинения в «оскорблении величества», которые влекли за собой смертную казнь или же самоубийство по приказу императора. Внезапно уходили из жизни видные члены римского общества. Все это делает для нас понятной потребность в утешениях, обращенных к родственникам и близким погибших.

Несмотря на пессимистические рассуждения о жестокой судьбе, непостоянстве человеческого счастья, о тяготах жизни и восхваления смерти, *consolatio* имела жизнеутверждающий характер; ее цель — помочь другу освободиться от скорби и тем вернуть его к нормальной жизни.

Примечания

¹ Gercke A. De consolationibus. — "Tirocinium philologum sodalium Regii seminarium Bonnenensis". Berolini, 1883, p. 33.

² Buresch C. Consolationum a Graecis Romanisque scriptarum historia critica. Diss. Lipsiae, 1886, S. 40—63.

³ Schantz O. De incerti poetae consolatione ad Liviam deque carminum consolatoriorum apud Graecos et Romanos historia. Diss. Marburgi, 1889.

⁴ Johann H. T. Trauer und Trost. München, 1968.

⁵ Studnik H. H. Die consolatio mortis in Senecas Briefen. Diss. Köln, 1958, S. 21—27.

⁶ Тронский И. М. История античной литературы. Л., 1957, с. 424.

Л. Т. ЛЕУШИНА

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЛАТИНСКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ (ЛАТ. SALVUS, SOL (I) DUS, SOLLUS

Вопрос об этимологии слова *salvus* 'невредимый, целый, здоровый' нельзя считать решенным во всех деталях, несмотря на то, что исследователи уделяли ему достаточно много внимания. Путем сопоставления аттического $\beta\lambda\omicron\varsigma$ 'целый, полный, весь' с ионической формой $\sigma\beta\lambda\omicron\varsigma$ было восстановлено общегреческое $\delta\lambda\upsilon\varsigma$, которое вместе с древнеиндийским *sárvas* 'невредимый, весь' признано идентичным латинскому *salvus* уже со времен А. Потта.¹ И в самом латинском языке найдены слова, родственные *salvus*: *solidus*, *soldus* 'плотный, твердый, полный, целый, весь', *sollus* 'целый, полный', *sólus* 'один, единственный' и т. д.

Дополнительного рассмотрения требуют, на наш взгляд, вопрос о происхождении суффиксального элемента в *salvus*, о форме корня, лежащего в основе *salvus* и родственных ему образований и некоторые вопросы отношений между этими образованиями.

Обратимся в первую очередь к положению Ф. Шпехта о том, что суффиксальное *-v-* в *salvus* восходит к основе на *-u-*,² поскольку с этим, по-видимому, связана особенность огласовки корня. Ф. Шпехт предполагает для др.-гр. *ῥλος*, др.-инд. *sárvas* и лат. *salvus* основу **solu-*, **salu-*. Умбрское слово *salu(v)om* 'salvum' и оскское *salavs* 'salvus' указывают на наличие гласной после корня, в отношении суффикса они могут быть приравнены др.-гр. *ῥλος* (из **ῥλοFῥς*).³ Слово приводится у Свиды в значении 'φρόνιμος καὶ ἀγαθός',⁴ а значение, очень близкое лат. *salvus*, извлекается из глоссы Гезихия *ῥλοῦται ὀφθαλμοί*.⁵ Глагол *ῥλοῦται* 'он здоров' можно понимать как деноминативное образование от **ῥλοFῥς* 'здоровый'. И если в др.-гр. *ῥλος*, др.-инд. *sárvas*, лат. *salvus* мы имеем дело с нулевой степенью конечного элемента основы (**sol-u-*, **sl-u-*), то оскская и умбрская формы, как и др.-гр. *ῥλος*, предполагают полную степень (**sol-eu-*, **sl-eu-*). Тохарское *A salu* 'полный' не оставляет, на наш взгляд, сомнений в том, что данная группа слов восходит к древней основе на *-u-*.

При вполне очевидном единообразии морфологической структуры лат. *salvus*, др.-гр. *ῥλος* и др.-инд. *sárvas* и при их семантической близости (семантика данных образований может быть обозначена русским словом целый: целый как 'здоровый, невредимый' и целый как 'не подвергшийся разделению') неясным представляется качество корневого гласного. Еще К. Бругман⁶ указывал на то, что трудно найти объяснение отношению *-a-* в первом слове *salvus* к *-o-* в *solidus* и *sollus*. Я. Фриск⁷ считает, что гласный *a* в лат. *salvus* остается до сих пор необъясненным. Толкования часто сводятся к поискам индоевропейского краткого или сверхкраткого (*schwa secundum*)⁸ гласного в данном корне. В словаре А. Вальде — Й. Хофмана⁹ предполагается исходная форма **səl-uo-* или **səlo-uo-*, но этому противоречит др.-инд. *sárvas*, поскольку **-ə-* должно было дать др.-инд. *-i-*. Э. Бенвенист предлагает видеть здесь два состояния и. -е. корня и соответственно суффикса. По его мнению, **sol-ū-* отражается в др.-инд. *sárvas* и др.-гр. *ῥλ(F)ος*, а **sṵl-ē-* в лат. *salvus* (**saleuos*) и *salū-t-*.¹⁰ Такое объяснение лат. *salvus* вызывает возражение прежде всего потому, что в *salvus*, как и в др.-гр. *ῥλ(F)ος*, др.-инд. *sárvas*, содержится нулевая, а не полная форма суффикса. Кроме того, данное построение не учитывает факта существования др.-гр. *ῥλο(F)ος* с полной степенью огласовки как суффиксального, так и корневого элемента.

В своем рассмотрении слова *salvus* и родственных ему образований мы исходим из вычленения в них корневого элемента **sol-* (др.-инд. *sárvas*, др.-гр. *ῥλ(F)ος*, лат. *solidus*, *sollus*), **sl-* (лат. *salvus*, оск. *salavs*, умбр. *salu(v)om*). Этот же корень на ступени **sel-* представлен в др.-гр. *ἔλις: μόνος καὶ ῥλος* (Гезихий).¹¹ Мы выделяем **sl-*,¹² опираясь на вывод Г. Остгофа¹²

о рефлексе слогаобразующих плавных перед гласными в латинском языке. В соответствии с наблюдением Э. Сиверса — Ф. Эджертона над германским и др.-инд. материалом в и. -е. основе **slu-*, **sleu-* сонант *l* должен выступать в виде «гласный плюс согласный». (После согласного и перед гласным: сонант выступает в качестве согласного после краткого слога, «*vocalic plus consonantal*» после долгого или когда предшествующий согласный представляет собой абсолютное начало слова.) Для случаев типа латинского *salūt-* можно привести следующее правило: «Между согласными: второй сонант всегда выступает в роли гласного; первый является согласным после краткого слога, «*vocalic plus consonantal*» после долгого или в абсолютном начале слова».¹⁴ В латинском языке этот «полугласный» вариант сонанта дает *al*. Особенности отражения и. -е. **r*, **l* в италийских языках изучены Г. Остгофом, который пришел к выводу о том, что слогаобразующие плавные перед гласным проявляются как *ar*, *al*.¹⁵ Рассмотрим кратко некоторые из примеров Г. Остгофа. Сопоставление лат. *salix* 'ива' с др.-гр. *ἐλίξη* 'ива'¹⁶ позволяет выделить для др.-гр. слова основу **sel-i-k-* с полной степенью огласовки корня **sel-*, а для латинского основу **sl-i-k* с нулевой степенью корня (**sl-*), где *l* в положении перед *-i-* развивается в *-al-*. Корень **(s)ker-* «резать» (ср. др.-гр. *κεῖρω* 'стригу') в нулевой степени мы находим в умбрском *kaḡ* 'часть' (**kḡ-*), отложительный падеж имеет форму *kaḡne* (основа **kḡ-n-*). Сюда же обычно относят лат. *caro*, *carnis* 'мясо'¹⁷ (род. п. **karn-ēs*, основа **kḡ-n-*). В словах, приводимых Г. Остгофом, *r*, *l* > *ar*, *al* как перед *e*, *o*, *a*, так и перед гласным вариантом сонанта.

Положение плавного перед гласным в оск. *salavs* и умбр. *saluom* вполне очевидно, для соответствующей латинской основы оно может быть подтверждено существительным с отвлеченным значением *salūs*, *-ūtis* 'здоровье, благополучие, спасение', которое несомненно связано с *salvus*. В слове *salūs* *ū* могло быть как отражением и. -е. долгого **-ū-*¹⁸ (случаи параллельного существования **eu* || **ou* || *u* и **ū* в родственных образованиях хорошо известны), так и результатом древней монофтонгизации дифтонга **eu* || **ou* || **u*, который мы находим в оск. *salavs*, умбр. *saluom* и (в нулевой степени) в лат. *salvus*. Указанные формы явились результатом присоединения тематического глас-

ного к и- основе. Объяснение sal- в италийских языках из *sl- в положении перед гласным представляется нам более правдоподобным, чем предположение А. Вальде¹⁹ о диссимиляции от *solu к *salu-, выдвинутое на том основании, что огласовка -a- имеется только у слов с гласным -u- во втором слоге.

Итак, в рассматриваемом семействе слов отражается и.-е. корень *sel-/*sol-/*sl- на трех ступенях чередования. Различные ступени корня в родственных образованиях можно наблюдать в лит. dienà (*dei-n-a) и ст.-сл. ДѢНЬ (*di-n-ь) 'день', в лат. stipēs 'стебель, ствол' (*stei-) и лат. stipula (*sti-) 'соломина'. И среди производных корня *sel-/*sol-/*sl- имеется не только противопоставление sal-vus и sol-lus, но и тохарский В sol-me 'целый' при тохарском А salu 'полный'; возможно, что и здесь отражаются разные ступени огласовки корня.

Обратимся к значению данного корня. В работе К. Бругмана «Обозначение понятия целостности в и.-е. языках»²⁰ лат. salvus 'целый, невредимый', sollus 'целый, полный', sòlus 'один, единственный', др.-инд. sárgvas 'невредимый, весь', др.-гр. ὅλος рассматриваются в качестве образований от корня со значением 'один', 'вместе'. В основе их, считает К. Бругман, лежит представление о едином существовании частей какого-либо предмета. Слова sollus, salvus, sárgvas имеют в виду такое состояние, при котором ничто не отсутствует, а sòlus — существование, при котором ничто не присоединяется. Не углубляясь в анализ этих представлений, мы все-таки можем быть уверены в том, что значения 'один' и 'в одном (многое)' могли сосуществовать у одного корня. Возьмем для примера образования от *sem- 'один' (некоторые из них сопоставляются К. Бругманом с нашими словами) лат. sem-el 'однажды' и др.-инд. sám-antas 'весь, полностью'.

Четко определив значение корня и семантические связи между его производными, К. Бругман, по-видимому, ошибочно считает -l- суффиксальной частью. В его представлении корнем рассматриваемых слов является чередующееся *sē- || *sō-.²¹ Позиция К. Бругмана поддерживается в словаре А. Вальде — И. Хофмана.²² Иная точка зрения высказана в книге Ю. В. Откупщикова «Из истории индоевропейского словообразования».²³ Продолжив мысль К. Бругмана о параллелизме образований от *se-l и *se-m (см., например, сопоставление др.-англ. sel-dap 'редко' с лат. sem-el, гот. sim-le, sum-an 'однажды'; лат. sol-idus, sol-lus 'целый, цельный' с др.-инд. sám-antas, sám-agras 'весь, полностью'), Ю. В. Откупщиков считает сонант неотъемлемой частью корня на том основании, что имеются правильные ряды чередований типа гот. simle || sama || suman (*sem- || *som- || *sm-) и такие слова, как др.-гр. ἅπαξ 'однажды', ἀπλῶς 'простой'. В самом деле, в др.-гр. языке наряду с ἀπλῶς, ἀπλοῦς сущест-

вует ἀπλῶς 'простой', абсолютно идентичное латинскому simplus как по форме, так и по значению. И.-е. форма для данных слов может быть восстановлена в виде *sm-pl-o-s.²⁴ И если simplus можно насильственно разложить на si-plus, то для ἀπλῶς это полностью исключено, поскольку ἅ- из *sm- (*s > густое придыхание, *m > α). Приведенный выше ряд чередований в словах, родственных лат. salvus, по-видимому, также свидетельствует о неразложимости корня *sel- || *sol- || *sl-.

Итак, в лат. salvus, др.-гр. ὅλος, др.-инд. sárgvas мы видим одно из немногочисленных индоевропейских образований с суффиксальным *-v- от корня, не имеющего глагольного значения.

Суффиксальное оформление этого корня даже в пределах одного латинского языка очень разнообразно: в sòlus (с вторичным удлинением корневого гласного) это тематический гласный o/e; кстати, ион. форму ὅλος существующую наряду с ὀλος, пытались объяснять как соответствие лат. *solos.²⁵ В solidus, soldus — суффикс -d-. И, наконец, много споров вызвало слово sollus. Одни исследователи (К. Бругман, Ф. Солмсен) выводили его из *sol-pos,²⁶ опираясь на кимр., брет. holl 'целый', корн. oll 'весь', соответствия, признанные очень ненадежными.²⁷ Другие (Ф. Зоммер, Р. Планта) из *sol-vos;²⁸ особенно настойчиво проводил эту точку зрения Р. Планта, который даже в solidus видел исходное *solv- (*solv- > *soll- > *sol-). К. Бругман²⁹ считает, что указанная реконструкция не имеет под собой никаких оснований, кроме желания ее создателей все свести к одной форме. Из имеющихся предположений по поводу этого слова sollus из *solvos представляется нам наименее вероятным, поскольку сочетание -lv- хорошо сохранилось в латинском языке (ср., например, gilvus, helvus, pelvis, pulvis, ulva, calvus, milvus, silva, alveus). Кроме того, маловероятно, чтобы в однотипных образованиях от одного и того же корня -lv- в одном случае сохранилось (salvus), а в другом подверглось ассимиляции (sollus).

Sollus 'цельный' — архаическое прилагательное, которое уже в доклассической латыни выходило из употребления. Сохранилось оно в составе сложных слов: soll-ers 'искусный', т. е. 'всего одаренный', solli-ferreum 'метательное копьё, сделанное целиком из железа' и т. д. Слово sollus имеет общейталийский характер (ср. оск. sullus 'omnes', пел. solois 'omnibus'), по значению оно равно лат. solidus. Как sollus, так и solidus означают 'целый, цельный' (ср. у Феста sollum 'totum et solidum'). Поскольку первое -l- исконное (корень sol-), удвоенное -ll- могло быть результатом прогрессивной ассимиляции и потому восходить к группам lv, ln, ls, ld. Первое сочетание, как мы видели, отпадает, остается ln, ls и ld. Группы ln, ls можно предполагать, исходя только из чисто теоретической возможности развития ll < ln, ll < ls, других оснований видеть в sollus древнее *solnos

или *solsos у нас нет. Более пристального внимания заслуживает, на наш взгляд, группа ld, поскольку в латинском языке имеется solidus, soldus, очень близкое к sollus по форме и совпадающее с ним по значению. Как известно, многие образования с суффиксом *-d- относятся к основам на -u,³⁰ среди прилагательных также существует группа с исходом на -du-, в которой u-основа устраняется различными способами: и.-е. *moldu- 'мягкий', балто-слав. *saldu- 'сладкий',³¹ *burz(d)u- 'быстрый'. Представляется вполне возможным и для sollus предположить древнюю основу на -u- *sol(i)du-, для нашего случая это тем более вероятно, что основа на -u- у корня *sol- была обычной в лат. (salvus), др.-гр. (σολος) и др.-инд. (sárvas) языках. При соединении с тематическим гласным -u- приобретало неслоговой характер, и группа -ldu- переходила в -ll- (*sol(i)du-os > soll-os). Очень надежный пример такого фонетического перехода мы имеем в лат. mollis, 'мягкий' (mollis из *molldis, ср. др.-инд. mṛdús 'мягкий, нежный', др.-гр. α-μαλλόων 'я размягчаю, ослабляю', ст.-сл. **МЛЯДЪ**). Таким образом, между sollus, с одной стороны, и solidus, soldus — с другой, наряду с тем, что это образования одного корня *sel- || *sol- || *sl-, существуют еще более тесные словообразовательные связи.

Примечания

- 1 Pott A. F. Etymologische Forschungen auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, Bd. I. Lemgo, 1859, 2. Aufl., S. 130.
- 2 Specht F. Zur indogermanischen Sprache und Kultur. — Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, Bd. 64. Göttingen, 1937, S. 21—22.
- 3 Frisk Hj. Griechisches etymologisches Wörterbuch, Bd. II. Heidelberg, 1963, Lief. XIV, S. 381.
- 4 Suidae lexicon. Ex recognitione I. Bekkeri. Berolini, 1854, S. 769.
- 5 Hesychii Alexandrini lexicon. Recensuit et emendavit K. Latte. Copenhagen, 1966, vol. II, p. 753.
- 6 Brugmann K. Die Ausdrücke für den Begriff der Totalität in den indogermanischen Sprachen. Leipzig, 1894, S. 46.
- 7 Frisk Hj. Griechisches etymologisches Wörterbuch, S. 381.
- 8 Güntert H. Indogermanische Ablautprobleme. Straßburg, 1916, S. 55.
- 9 Walde A., Hofmann J. Lateinisches etymologisches Wörterbuch, Bd. II. Heidelberg, 1954, S. 472.
- 10 Бенвенист Э. Индоевропейское именное словообразование. М., 1955, с. 98.
- 11 Blumenthal A. v. Hesychstudien. Stuttgart, 1930, S. 35.
- 12 Walde A. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 2. Aufl. Heidelberg, 1910, S. 674; Бенвенист Э. Индоевропейское именное словообразование, с. 98.
- 13 Osthoff H. Dunkles und helles "l" im Lateinischen. — Transactions of the American Philological Association, 1893, vol. 24, p. 52; Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.—Л., 1938, с. 140—141.

- 14 Edgerton F. The Indo-European Semivowels. — "Language", 1943, vol. XIX, N 2, p. 108.
- 15 Osthoff H. Dunkles und helles "l" im Lateinischen, p. 52; Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, с. 140—141; см. формулировку Ф. Сольмсена ("Osthoff hat gesehen, daß die "silbenbildenden liquiden" vor vocal ... im Lateinischen lautgesetzlich als ar al erscheinen") в работе "Beiträge zur Geschichte der lateinischen Sprache" (Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, Bd. 37. Göttingen, 1904, S. 15).
- 16 Walde A., Hofmann J. Lateinisches etymologisches Wörterbuch, Bd. II, S. 469.
- 17 Ibid., Bd. I, S. 170.
- 18 Brugmann K. Salus. — Archiv für lateinische Lexikographie, Bd. XII. Leipzig, 1902, S. 422.
- 19 Walde A. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen, Bd. II. Hrsg. von J. Pokorny. Berlin und Leipzig, 1927, Lief. 4, S. 511.
- 20 Brugmann K. Die Ausdrücke für den Begriff der Totalität in den indogermanischen Sprachen. Leipzig, 1894, S. 43—49.
- 21 Ibid., S. 48.
- 22 Walde A., Hofmann J. Lateinisches etymologisches Wörterbuch, Bd. II, S. 472, 473.
- 23 Откупщиков Ю. В. Из истории индоевропейского словообразования. Л., 1967, с. 179.
- 24 Frisk Hj. Griechisches etymologisches Wörterbuch, S. 381.
- 25 Bechtel F. Lexilogus zu Homer. Halle, 1914, S. 256—257.
- 26 Brugmann K. Die Ausdrücke für den Begriff der Totalität in den indogermanischen Sprachen, S. 47; Solmsen F. Beiträge zur Geschichte der lateinischen Sprache. — Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, Bd. 38. Göttingen, 1905, S. 445.
- 27 Walde A., Hofmann J. Lateinisches etymologisches Wörterbuch, S. 472.
- 28 Sommer F. Kritische Erläuterungen zur lateinischen Laut- und Formenlehre. Heidelberg, 1914, S. 81; Planta R. von. Grammatik der oskisch-umbrischen Dialekte, Bd. I. Straßburg, 1897, S. 186—187.
- 29 Brugmann K. Die Ausdrücke für den Begriff der Totalität..., S. 48.
- 30 Meillet A. Les vocatifs slaves du type mōžu. — Mémoires de la société de linguistique de Paris, 1916, vol. XX, p. 99.
- 31 Trautmann R. Baltisch-slavisches Wörterbuch. Göttingen, 1923, S. 248—249.

М. И. МАЙСТРЕНКО

ОРФЕЙ В ГРЕЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ V—IV ВВ. ДО Н. Э.

Древнейшие сведения об Орфее очень скудны и фрагментарны. На методе сокровищницы сиракузцев в Дельфах (середина VI в. до н. э.) изображены два музыканта на борту корабля. Над головой одного из них четкая надпись — Орфей. О «славном именем Орфее» (ὄνομακλήτοσ Ὀρφεΐν) говорится в отрывке из Ивика (fr. 10 A Bergk). Во фрагменте из Симонида (fr. 40) имя Орфея не упоминается, но из слов «пад его головой летали бесчисленные птицы, рыбы выпрыгивали вверх из